ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 159.923.2

ББК 88.3

DOI: 10.33065/2307-1052-2019-1-27-92-98

Представления о женщине в молодежной среде: итоги серии исследований

Брагина Елена Александровна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова, г. Ульяновск, Россия

Аннотация. Представлено краткое изложение итогов многолетних исследований когнитивного и аффективного компонентов представлений девушек о женщине-матери в сопоставлении с их представлениями о деловой женщине и о себе. Показано, что содержание представлений о женщине-матери, а также привлекательность образа женщины-матери обусловлены, прежде всего, национальной принадлежностью девушек и их самооценкой. Подчеркивается, что, в целом, аналогичный результат был получен при исследовании представлений о женщине у юношей – русских и татар. Продемонстрирована возможность использования предложенной автором методики диагностики представлений о женщине в целях оценки степени удовлетворенности супругов браком. Определяются направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: представления о женщине, представления о женщине-матери, образ и понятие деловой женщины, успешность и счастье женщины, супружество, понятие женского счастья, гендерные представления о счастье и успехе, понятие карьеры в разных культурах, культурный образ успешности.

Representations of a Woman in the Youth Environment: Results of a Series of Studies

Bragina Elena A.,

Candidate of Psychological Studies, Associate Professor, Department of Psychology, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Ulyanovsk, Russia

Abstract. The article is a brief summary of the research into cognitive and affective components of the girls' ideas about a woman-mother, presented in comparison with their ideas about a business woman and themselves. It is shown that the content of ideas about a woman-mother, as well as the attractiveness of the image of a woman-mother, primarily concern the nationality of girls and their self-esteem. It is emphasized that a similar result

was obtained while studying the ideas of young Russian and Tatar men about women. The article demonstrates the possibility of using the method proposed by the author for diagnosing ideas about a woman in order to assess the degree of satisfaction of spouses with their marriage. Directions for further research are determined.

Keywords: ideas about a woman, ideas about a woman-mother, image and concept of a business woman, success and happiness of a woman, marriage, concept of female happiness, gender concepts of happiness and success, concept of career in different cultures, cultural image of success.

Думаю, мне и моим коллегам-психологам 90-е годы прошедшего века запомнились не только пугающими темпами инфляции, клетчатыми сумками челноков и неуверенностью в том, будет ли очередная зарплата. Произошло то, что нам, получившим образование в советских вузах, казалось фантастикой: на полках книжных магазинов появились труды классиков, которые в прежние времена были доступны только в «слепых» копиях переводов из ВИНТИ, достать которые было невероятно сложно (я до сих пор храню такой перевод К. Хорни, четыре страницы на листе формата А4). По копиям переводов из ВИНТИ я познакомилась с трудами З. Фрейда, К. Г. Юнга, А. Адлера, К. Левина, Дж. Бьюдженталя, К. Хорни. В этом ряду почетное место принадлежит трудам Э. Эриксона. Впервые мы получили возможность самостоятельно разобраться в тонкостях эпигенетической концепции развития личности, о которой, конечно же, знали из учебников. Читая Эриксона, я обратила внимание на его анализ специфики формирования женской идентичности. Эриксон пишет, что функциональная уникальность женщины не должна рассматриваться изолированно от иных «аспектов человеческого существования, нас должно интересовать, как половые различия... интегрированы в нем» помимо того, что «половые различия... имеют следствием поляризацию стилей жизни» [Эриксон 1996: 293].

Эта фраза вспомнилась позже, когда я заинтересовалась проблемами материнства. Вопрос о том, что лежит в основе того, как женщины выбирают и координируют различные сферы самореализации, – семейную, материнскую, профессиональную, – стал важнейшим побудительным мотивом моих последующих исследований. Разумеется, в научной литературе, как отечественной, так и зарубежной, представлено немало исследований психологии материнства. Так, в исследовании Н. Чодороу, с позиций одного из направлений современного психоанализа, потребность женщины в материнстве связывается с ее стремлением воссоздать ту «исключительную» эмоциональную связь, которая имела место в ее отношениях с собственной матерью и которая не может быть полностью удовлетворена в отношениях с мужчиной «в силу его недостаточной эмоциональной доступности» [Чодороу 2008: 39]. С. Ю. Мещерякова ввела понятие «психологической готовности к материнству», понимаемой как «(...) специфическое личностное образование, стержневой образующей которого является субъект-объектная ориентация в отношении к еще не родившемуся ребенку» [Мещерякова 2000: 19]. В исследованиях Г. Г. Филипповой подробно проанализирован онтогенез материнской сферы, сущность которого – появление потребности иметь специфические переживания, получаемые в процессе ухода за ребенком, заботе о нем и охране, выделены его этапы, показана зависимость формирования материнской сферы от раннего взаимодействия девочки с собственной матерью, описаны различные стили переживания беременности [Филиппова 2002]. Значение раннего негативного опыта взаимодействия девочки с матерью, который характеризуется как «драма», акцентируется в исследованиях материнских девиаций (аборт, отказ от ребенка, жестокое отношение к ребенку) [см., напр.: Брутман, Варга, Хамитова 2000].

В обширной социологической литературе, анализ которой выходит за рамки этой статьи, рассматриваются социально-экономические факторы, определяющие материнское поведение современных женщин. При этом очень мало исследований тех внутренних факторов, которые определяют приоритеты женщины в выстраивании жизненной перспективы, соотношении сфер самореализации и социальных ролей. Вместе с тем, получив классическое психологическое образование, я как профессиональный императив запомнила фразу С. Л. Рубинштейна: «...внешние причины действуют через внутренние условия (которые сами формируются в результате внешних воздействий)» [Рубинштейн 2003: 309]. Следовательно, анализ, по моему мнению, должен быть сфокусирован на системе представлений девушек о различных женских ролях, соотношенных с представлением о себе. Ведь внешние воздействия – это не только опыт взаимодействия с собственной матерью, но и влияние современных средств массовой информации, особенностей национального воспитания, личного жизненного опыта, опыта близких и т.п. Сложный комплекс внешних воздействий формирует у девушки некоторое желаемое представление о собственной женской судьбе, соотношенное с представлением о себе и реализуемое в построении жизненной перспективы.

Д. Шидель и Дж. Марсиа высказывали идею о том, что различные варианты становления женской идентичности (и, значит, отношение к будущему материнству) определяются во многом тем, как девушка будет решать вопрос, «когда и с кем» будет реализована ее репродуктивная способность [Schiedel, Marcia 1985: 149]. Я предположила, что в этом процессе значение имеет ряд образов женщин, привлекательность (или непривлекательность) которых (конечно, соотношенная с образом Я) может существенно влиять на то, как девушка планирует и координирует различные направления самореализации, в том числе материнской. Мне представлялось, – и мысль Э. Эриксона о связи формирования женской идентичности с решением вопроса о женской функциональности была мне опорой, – что внутренние когнитивные факторы, определяющие отношение женщины к собственному материнству, неразрывно связаны с ее представлениями об успешной женской судьбе в целом.

Вместе с тем нельзя было не учитывать социологические детерминанты. С учетом выбора таких детерминант, обоснованного мною ранее [Брагина 2011, 2013, 2015; Брагина, Семенова 2014], отмечу, что в качестве внешних факторов в исследовании были определены:

- национальность: русские девушки и девушки-татарки;
- уровень образования: работающие девушки, не имеющие специального образования; школьницы (10 класс), девушки со средним специальным образованием – педагогический колледж и экономико-юридический техникум; девушки – студентки последних курсов вуза, факультета педагогики и психологии и юридического факультета.

В этом, первом, цикле исследований (2010 – 2013 гг.) приняли участие 194 незамужние девушки (17 – 21 года). Выбор возраста девушек был продиктован предположением, что в этот период у большинства из них еще нет опыта экспериментирования с различными социальными ролями, в то время как их идентичность находится на завершающем этапе становления. Следовательно, различия в их представлениях о женщине с большой вероятностью обусловлены именно выделенными нами *внешними* переменными.

Первый вопрос, который должен решить исследователь в рамках поставленной проблемы, – это вопрос о методе. В литературе найти методические подходы к изучению комплекса представлений о женщине не удалось. Выход нашелся в соединении начального этапа РЕП-теста Дж. Келли с последующим корреляционным анализом. На основе

техники репертуарных решеток был получен довольно обширный список самых разнообразных качеств женщин, который путем объединения и исключения синонимических определений был сокращен до 85 униполярных признаков. Девушкам предлагалось, в соответствии с техникой репертуарных решеток, вспомнить реальную женщину, которую можно назвать настоящей матерью (объект М), успешной женщиной (Ус), счастливой женщиной (Сч), деловой женщиной (Д), и отметить в списке те качества, которые, по их мнению, этих женщин характеризуют. Дополнительно ту же самую процедуру нужно было выполнить по отношению к себе (объект Я). Далее для каждой девушки определялся коэффициент корреляции качеств выделенных объектов (на основе коэффициента корреляции r_s Спирмена). Значения коэффициентов корреляции показателей М/Сч и Д/Сч позволяли понять, насколько девушка считает женщину-мать и деловую женщину счастливыми, корреляции М/Ус и Д/Ус – успешными. Соответственно, значение корреляций Я/М, Я/Д и Я/Сч рассматривались как показатели степени идентификации девушки с образом женщины-матери, деловой женщины и женщины успешной, соответственно. Различия между девушками исследуемых групп по этим показателям устанавливались с применением U-критерия Манна-Уитни.

На следующем этапе внутри каждой группы девушек определялась частота выделения того или иного качества, на основе которой устанавливался рейтинговый список качеств женщины-матери, счастливой женщины, деловой женщины и женщины успешной, что позволило получить соответствующие групповые содержательные характеристики исследуемых представлений.

Кроме того, нами использовался модифицированный вариант методики косвенного измерения системы самооценок (КИСС), в которой девушкам предлагалось последовательно осуществить выборы схематичных изображений лица в порядке предпочтения по критериям: мне нравится, похоже на хорошую мать, похоже на меня, похоже на деловую женщину. Таким образом, если первая методика позволяла оценить когнитивный и оценочный компоненты, то методика КИСС была ориентирована на диагностику аффективного компонента представлений о женщине¹.

Результаты исследования были опубликованы, поэтому здесь приведу только некоторые, на мой взгляд, наиболее интересные из них, опуская конкретные цифровые данные.

Национальная принадлежность девушек обнаружила себя, прежде всего, в существенно более высокой оценке женщины-матери как успешной и счастливой в группах девушек-татарок, и, в целом, ее образ оказался более для них привлекателен, чем для русских девушек. Русские девушки, за исключением студенток факультета педагогики и психологии и педагогического колледжа, считают женщину-мать столь же счастливой, но менее успешной по сравнению с деловой женщиной. Особенно ярко это проявилось в группе девушек – будущих юристов, как студенток вуза, так и студенток техникума экономики и права, и русских школьниц. Следовательно, русские девушки всех групп жизненный успех связывают преимущественно с профессиональной сферой самореализации, полагая, к тому же, что успешная деловая женщина может быть также счастлива, как и женщина-мать. Для девушек-татарок женщина-мать и более счастлива и не менее успешна, чем деловая женщина.

Интересные соотношения обнаружились по результатам методики КИСС: значимое различие между группами девушек было установлено только по показателю оценки себя как матери, который оказался достоверно выше в группе студенток-татарок. Выяснилось, что общая самооценка русских девушек не связана значимо с их оценкой себя как будущей

1. Часть этого цикла исследования была выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект №10-06-27602 а/В

матери, в то время как в группах девушек-татарок эта связь высоко положительна. С другой стороны, для девушек-татарок привлекательность образа матери высока сама по себе, вне связи с самооценкой, а для русских девушек связь привлекательности образа матери с общей самооценкой оказалась положительной и высоко значимой. Этот результат мы расценивали как подтверждение нашего предположения о том, что для девушек-татарок привлекательность материнства существует вне их самооценки, однако на их общую самооценку влияет оценка себя как будущей матери. В свою очередь, связи показателей привлекательности образа матери, общей самооценки и оценки себя как матери в группах русских девушек, связывающих счастье женщины не только с материнством, а успех – преимущественно с профессиональной сферой, свидетельствовали о значении общей самооценки в решении ими вопроса о координации материнской и профессиональной самореализации.

Отметим, что вклад национальной принадлежности оказался опосредованным фактором профессиональной ориентации: установленные закономерности не были выявлены в группах русских студенток факультета педагогики и психологии и педагогического колледжа.

Установленные высоко значимые положительные связи общей самооценки и оценки себя, как деловой женщины, при достаточно высокой привлекательности образа последней, позволяли констатировать, что и школьницы обеих национальностей, и большинство студенток колледжей и университета, преимущественно – русских, а также работающие девушки склонны ценить в себе качества, создающие возможность, прежде всего, самореализации и успеха в профессиональной сфере. Оценка своего соответствия представлению о деловой женщине вносит, как показали эти результаты, существенный вклад в общую самооценку современной девушки, независимо от национальности, уровня и направленности образования. Одновременно зафиксированная значимая положительная связь общей самооценки и показателя привлекательности образа деловой женщины, в том числе в группе студенток вуза – татарок, позволяет прогнозировать выбор молодых девушек с высокой самооценкой независимо от национальности все-таки в пользу первоначальной профессиональной самореализации.

Результаты работающих девушек обеих национальностей оказались очень близкими: счастье женщины они связывают преимущественно с материнством, однако у них достоверно ниже значения показателей идентификации с образами матери и деловой женщины (за исключением показателя Я/Д в группе работающих татарок). К тому же они оценивают «счастливость» женщины-матери и себя как счастливых и успешных существенно ниже, чем девушки других групп. Выявленные соотношения позволяют, на наш взгляд, предположить, что низкий уровень образования и низкий социальный статус могут затруднять для них самостоятельный выбор сферы самореализации, материнской или профессиональной, что делает их более зависимыми от того, как сложатся жизненные обстоятельства.

Обобщенные результаты этого исследования сведены в таблице 1.

Таблица 1 – Соотношение показателей оценки образов женщины-матери и деловой женщины как счастливых и успешных и показателей идентификации с этими образами девушек исследуемых групп

Русские девушки (кроме педагогов и работающих)	Русские девушки – будущие педагоги	Девушки-татарки (кроме работающих)	Работающие девушки без специального образования (обеих национальностей)
$M/Сч = Д/Сч$ $M/Сч > M/Ус$ $M/Ус < Д/Ус$ $Д/Сч = Д/Ус$ $Я/М \leq Я/Д$	$M/Сч > Д/Сч$ $M/Сч > M/Ус$ $M/Ус < Д/Ус$ $Д/Сч < Д/Ус$ $Я/М = Я/Д$	$M/Сч > Д/Сч$ $M/Сч = M/Ус$ $M/Ус = Д/Ус$ $Д/Сч < Д/Сч$ $Я/М \geq Я/Д$	$M/Сч > Д/Сч$ $M/Сч > M/Ус$ $M/Ус < Д/Ус$ $Д/Сч < Д/Ус$ $Я/М \leq Я/Д$

На следующем этапе, в 20013 – 2014 гг., нами было предпринято исследование представлений о женщине у молодых людей 21–25 лет – русских и татар. Интерес к этой теме продиктован тем, что в России заключается довольно много межнациональных браков, успешность которых может, по моему мнению, в значительной степени зависеть от представлений супругов о женщине. Выбор возраста испытуемых определен уникальностью той жизненной ситуации, которая складывается в возрасте 21–25 лет, – ситуации поиска своего места в жизни, начала «обустройства» в жизни, выбора брачного партнера и создания семьи.

Подводя короткий итог результатам этого исследования, отметим, что основное отличие в представлениях юношей разной национальности о женщине проявилось в том, что русские юноши оценивают и женщину-мать, и деловую женщину как более счастливых по сравнению с юношами-татарами. Последние в целом оценивают образы женщин как несчастливых и не слишком успешных.

Образ женщины-матери в группе юношей-татар оказался более функциональным, насыщен качествами, связанными с материнскими функциями, а образ деловой женщины – более «холодным» по сравнению с аналогичным образом в группе русских юношей, которые не отказывают деловой женщине в эмоциональности. Независимость, конкурентоспособность, самостоятельность, отмеченные в образе деловой женщины, то есть ее маскулинные черты делают её в представлениях юношей-татар и не счастливой, и не слишком привлекательной (ни одна из этих характеристик не отмечена в этой группе среди качеств счастливой женщины).

Один из интересных результатов этого исследования состоял в расхождении содержательных характеристик образов деловой женщины в группах юношей и девушек. Например, юноши обеих групп в отличие от девушек не отметили как высоко значимое такое качество деловой женщины, как самореализованность: ранги этого качества в группах русских юношей и юношей-татар, соответственно, равны 17,5 и 32. Вместе с тем в обобщенном содержательном списке образа деловой женщины у девушек это качество имеет 6 ранг.

Эти и другие результаты легли в основу следующего исследования, результаты которого еще не опубликованы, а именно – исследования, исходным для которого стало предположение о связи удовлетворенности браком и согласованности представлений супругов о женщине-матери и счастливой женщине (20014 – 2015 гг.). В этом исследовании приняли участие две группы супружеских пар, состоявших в первом браке и имеющих 1–2 детей: состоящие в браке от 1 до 5 лет (I группа, 19 пар) и от 15 до 22 лет (II группа, 21 пара).

Среди наиболее существенных, на мой взгляд, результатов отмечу более высокую согласованность представлений супругов о женщине-матери по сравнению с их представлениями о счастливой женщине в обеих группах. Интересно, что супружеские пары обеих групп, и женщины, и мужчины, достоверно ниже оценивают женщину-мать как счастливую по сравнению девушками и юношами в более ранних исследованиях. Опыт реальной семейной жизни и собственного материнства вносит, таким образом, существенные коррективы в представления и о счастье, и о материнстве: чем больше стаж супружеских отношений, тем более высокие ранги в обобщенном «портрете» женщины-матери приобретают функциональные характеристики (заботливая, трудолюбивая, терпеливая) и указания на ее занятость и усталость.

Что касается основного вопроса о соотношении удовлетворенности браком со степенью согласованности представлений супругов о женщине-матери и счастливой женщине,

то оказалось, что в обеих группах удовлетворенность супругов браком существенно связана с тем, насколько близки их представления о женщине-матери, особенно значимая для мужчин второй группы. В молодых семьях, кроме того, удовлетворенность браком и жены, и мужа достоверно положительно коррелирует со сходством их представлений о счастливой женщине. В парах с большим супружеским стажем для супруга большее значение имеет согласованность представлений о женщине-матери, для жены – согласованность представлений о счастливой женщине.

В планах было продолжать этот цикл исследований. Виделось несколько вариантов его развития. Во-первых, полученные содержательные списки качеств женщины открывали возможность переработки довольно громоздкой шкалы униполярных признаков в биполярную и более компактную шкалу, позволяющую выявлять более тонкие различия в изучаемых представлениях. Во-вторых, практически важным и интересным было бы изучить возрастную динамику представлений о женщине, ее связь с материнской (семейной) и/или профессиональной самореализацией и удовлетворенностью женщины своей судьбой. И, наконец, еще одно возможное направление исследований подсказывает сама жизнь – это вопрос о том, женщины с какими представлениями о счастье, успехе и себе изменили свое репродуктивное поведение в связи с введением материнского капитала.

Но, как известно, не всегда мы собой располагаем: с 2015 года я погрузилась в проблемы инклюзивного образования, исследование которых тоже представляет немаловажный интерес, как объективно, так и для меня лично.

Завершая этот обзор, хочу выразить благодарность коллегам – Елиновой Светлане Михайловне, с которой я обсуждала свои взгляды на особенности женской идентичности, Семеновой Ие Анатольевне, помогавшей мне разобраться с тонкостями техники репертуарных решеток, а также выпускницам факультета педагогики и психологии – Мусиной Эльвире Ринатовне (2012 год) и Беловой Дарье Михайловне (2010 год), принимавшим участие в проведении исследования.

Источники и литература:

1. Брагина Е. А. Сравнительный анализ представлений о материнстве незамужних девушек – работающих и выпускниц ВУЗа: национально – этнический аспект. // Вестник Ульяновского государственного педагогического университета. 2011. Вып.7 С. 80 – 88.
2. Брагина Е. А. Национально-этнические аспекты образа матери у современной молодежи. // «Педагогические традиции народов России и Зарубежья»: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 15 – 16 октября 2013 г. Ульяновск: УлГПУ, 2013. С. 100 – 108. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mpsu.ru/files/science/conf2013/10Ped_traditions_2013.pdf (дата обращения 21 февраля 2019).
3. Брагина Е. А., Семенова И. А. Представления о женщине девушек 19 – 22 лет различной национальности. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2014. № 3(18). С. 45 – 49.
4. Брагина Е. А. Привлекательность образов матери и деловой женщины для девушек юношеского возраста и самооценка. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. № 3(22). С. 200 – 204.
5. Брутман В. И., Варга А. Я, Хамитова И. Ю. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери. // Психологический журнал. 2000. № 21. С. 79 – 87.
6. Мещерякова С. Ю. Психологическая готовность к материнству. // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 18 – 27.
7. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 508 с.
8. Филиппова Г. Г. Психология материнства: Учебное пособие. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. 240 с.
9. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера: пер с англ. М.: Росспэн, 2006. 496 с.
10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер.с англ. М.: Прогресс, 1996. 344 с.